

ББК 63.3(2)6
УДК 947

М.Ф. Полюнов

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА КАК СПОСОБ БОРЬБЫ США ПРОТИВ СССР

Возникновение холодной войны было закономерным явлением, результатом сознательной политики администрации США, направленной на установление американского господства в послевоенном мире. США своих внешнеполитических целей могли достигнуть только через конфронтацию, то есть через «холодную войну». Одним из главных методов борьбы была гонка вооружений, направленная на экономическое ослабление Советского Союза.

Ключевые слова:

внешняя политика, конфронтация, международные отношения, план Маршалла, СССР, США, «холодная война»

После окончания Второй мировой войны начинается новый этап во взаимоотношениях между союзниками по антигитлеровской коалиции, прежде всего между СССР и США, – этап «холодной войны». В настоящее время большинство отечественных и зарубежных историков под сущностью «холодной войны» понимают политическую, экономическую, идеологическую и локальную военную конфронтацию двух антагонистических систем – капитализма и социализма.

В научной литературе по истории «холодной войны» исследователи часто задают вопрос: кто развязал, кто начал «холодную войну»? На этот вопрос в течение десятилетий в западной историографии практически все историки давали один ответ: виновник – Советский Союз. В советской же историографии приводилась масса аргументов, доказывающих, что «холодную войну развязали США.

В современной российской историографии уделяется серьезное внимание изучению проблем «холодной войны», особенно ее начального этапа¹.

Эти работы, написанные на основе привлечения большого количества ранее неизвестных документов, серьезно расширили представления о начальном этапе «холодной войны». Публикации постсоветского периода позволили сделать вывод о возникновении новой истории «холодной войны»². Российские исследователи отошли от традиционных представлений, господствовавших в советской историографии, что виновником в развязывании «холодной войны» выступали США, Запад. Новизна отечественной либеральной концепции «холодной войны» заключается в том, что ответственность за ее возникновение несут в равной степени обе стороны – и США и СССР, а последний, возможно, даже большую ответственность.

Однако обращает на себя внимание то, что в исследованиях российских историков постсоветского времени мало внимания уделяется критическому анализу политики США и слишком много – политике Советского Союза. Под таким углом зрения прошли и некоторые важные международные научные конференции по этой проблеме³. В них политика советского руководства оценивается более критически, чем политика американской администрации. Вольно или невольно, но подобное смещение акцентов в одну сторону способствует формированию одностороннего, а то и вовсе неправильного представления о причинах возникновения «холодной войны» и ее главных инициаторах. С.Г. Кара-Мурза совершенно резонно заметил, что «за годы перестройки нас убедили, что «холодная война» была порождена угрозой экспансии со стороны СССР, который якобы стремился к мировому господству. Это – недавний миф, в послевоенные годы никто из серьезных людей в него не верил. Выбор между войной и миром был сделан именно на Западе»⁴.

Вопрос о причинах «холодной войны» и главном ее инициаторе является ключевым. Ответ на этот вопрос требует выявления реального социально-экономического положения СССР и США после Второй мировой войны и мотивов, которыми они руководствовались в своей политике.

Немецкий историк Бернд Грайнер задает вопрос: кто был заинтересован в «холодной войне» и кто дал ей старт?⁵ Чтобы ответить на поставленный вопрос, нужно хотя бы коротко сопоставить экономический потенциал США и СССР, сложившийся к концу войны. И тогда многое станет более понятным.

Ко времени окончания войны в экономических потенциалах этих двух стран возникло огромный дисбаланс. Конечно, и перед войной существовали серьезные диспропорции во всех областях экономики в пользу США. Но в ходе войны эти диспропорции еще больше увеличились. В Америке в годы войны произошел громадный рост промышленного производства: почти в два с половиной раза. Без учета СССР промышленность США производила больше, чем весь остальной мир вместе взятый. На основе советских источников и литературы, итальянский историк Джузеппе Боффа сделал вывод о том, что контраст между американскими условиями жизни и той отчаянной нищетой, в которой жил советский народ, был глубочайшим⁶. У него же также обнаруживаем, что продукция советской

черной металлургии составляла 16–18% от американского уровня. Производство химической промышленности в Соединенных Штатах было выше, чем в СССР, в 10–20 раз; производство текстильной промышленности – в 6–13 раз; Соотношение между промышленностью двух стран может быть выражено как 5:1. Положение в советской деревне также было катастрофическим⁷. Историки отмечают, что наша страна была вынуждена вступить в соревнование с потенциальным противником, уступая ему по экономическим возможностям в 6–8 раз⁸. В ходе войны у американцев был создан мощный военно-промышленный комплекс, который после войны был сохранен и стал быстро модернизироваться на новой технологической основе.

Огромное экономическое превосходство Америки над Советским Союзом дополнялось еще и военным превосходством: они стали монопольными обладателями атомного оружия. Сложность положения, в котором оказался СССР после завершения войны, отмечает даже Генри Киссинджер. «В 1945 году, – пишет он, – Советский Союз, ослабленный потерей десятков миллионов жизней и опустошением трети своей территории, очутился лицом к лицу с не пострадавшей от войны Америкой, обладающей атомной монополией»⁹.

Кроме того, США находились в гораздо более благоприятном геополитическом положении, чем Советский Союз. Они в то время могли рассчитывать на полную безопасность, так как их территория была не досягаема, даже если бы СССР имел атомную бомбу. У него, как известно, не было средств доставки, и США считали, что он не сможет создать эти средства в ближайшем будущем. Напротив, безопасность СССР была другой: он был уязвим со стороны США. Америка могла доставить атомное оружие до целей в СССР. В Европе были расположены американские бомбардировщики дальнего действия. В 1949 году в непосредственной близости от границ СССР и его союзников насчитывалось более 300 американских баз.

Неравенство сил между двумя странами было огромным, и это американская администрация ясно осознавала. Президент Трумэн говорил: «Мы вышли из этой войны как самая мощная в мире держава, возможно, самая могущественная в человеческой истории». Следует согласиться, что в этих словах не было никакого преувеличения. Он сказал то, что было в реальности. А Черчилль еще до окончания Второй мировой войны в частной беседе с бывшим послом США в Москве Авереллом Гарриманом высказался четко и вполне определенно: «Центром власти является Вашингтон». Это были не просто слова. Это было признание лидирующей роли США западным миром. В самой Америке в этом превосходстве также не сомневались. «В США господствовало всеобщее убеждение, – пишет Дж.Боффа, – в превосходстве своей страны над всеми другими. Все были согласны не только с амбициозной целью руководить миром, но даже со стремлением, выраженным в еще более сильной формулировке: «перестроить по образцу и подобию Соединенных Штатов»¹⁰.

Из выше приведенных данных мы видим, что экономическое положение СССР и США было различным. Если первый вышел из войны победителем, но обескровленным и с глубоко деформированной экономикой, то США – могущественной в экономическом и военном отношении державой. К тому же у них не было таких проблем после войны как у Советского Союза: восстанавливать тысячи предприятий, школ, больниц, сел, деревень, дорог и т.д.

В историографии дискуссионным является вопрос о времени возникновения «холодной войны». Трудность заключается в том, что она началась медленно и постепенно, и ее никто никому не объявлял.

Признаки серьезной конфронтации между союзниками возникли на завершающем этапе Второй мировой войны, то есть когда антигитлеровская коалиция еще существовала. Это главным образом было связано с приходом к власти после смерти Ф. Рузвельта, 12 апреля 1945 г., Трумэна. Преемник Рузвельта поставил под сомнение полезность любых соглашений с Москвой. «Это (советско-американское сотрудничество – М.П.) нужно ломать сейчас или никогда...» – заявил он. Трумэн полагал, что «русские» только мешают США и последние вполне обойдутся без взаимопонимания с СССР¹¹. Вскоре после смерти Рузвельта в Вашингтоне состоялась встреча Молотова с Трумэном, в ходе которой советский министр иностранных дел подвергся «холодному душу», прежде всего, по польскому вопросу¹².

Без каких либо объяснений американская сторона также прекратила поставки в СССР по ленд-лизу. 12 мая в ноте заместителя Госсекретаря США Грю говорилось, что «отгрузка поставок согласно ныне действующей программе по ленд-лизу для СССР будет немедленно видоизменена с учетом конца организованных военных действий в Европе». Во исполнение этого решения была отдана команда не только на прекращение погрузок товаров по ленд-лизу, но и о возвращении судов, находящихся в пути в порты в СССР и даже подошедших к его берегам. Для советского руководства это было полной неожиданностью¹³. Однако просить США о продолжении таких поставок оно не стало. Более того, в шифровке Молотова послу в Вашингтоне критиковалась позиция председателя Амторга, пытавшегося протестовать перед американскими официальными лицами: «Скажите т. Ермину, чтобы он не клянчил перед американскими властями насчет поставок и не высывался вперед со своими жалкими протестами. Если США хотят прекратить поставки, тем хуже для них»¹⁴.

В сентябре 1945 г. США поставили Советскому Союзу неприемлемые условия для получения ранее обещанного займа. От него требовали, чтобы в «обмен на американский заем, он изменил свою систему правления и отказался от сферы влияния в Восточной Европе»¹⁵.

Весьма показательными являются также слова Дж. Кеннана, американского дипломата, сотрудника посольства США в Москве, зафиксированные английским журналистом Ральфом Паркером. Свои откровения Кеннан делал 9 мая 1945 г., когда миллионы москвичей устроили ликование по поводу победы над Германией. Паркер описывает ситуацию

так: «Он стоял у закрытого окна так, чтобы его не было видно, чуть отодвинув длинную портьеру. Он молча наблюдал за толпой ликующих людей, по праву гордившихся своей страной, армией и их вождем-генералиссимусом. Я заметил на лице Кеннана странно-раздраженное выражение. Бросив последний взгляд на людей, он, отойдя от окна, злобно сказал: «Ликуют. Они думают, что война кончилась. А она только начинается!»¹⁶.

В те же майские дни в госдепартаменте США даже ставился вопрос о том, стоит ли президенту Трумэну брать на себя обязательства, данные Рузвельтом на Ялтинской конференции. Речь шла о ялтинских соглашениях по Дальнему Востоку, касающихся Советского Союза¹⁷.

Подозрительность и напряженность в отношениях между СССР и США серьезно возросла после атомной бомбардировки 6 и 9 августа 1945 г. японских городов Хиросимы и Нагасаки. Это было сделано в полной тайне от своего союзника. В зарубежной и отечественной историографии подавляющее большинство историков считает, что военной необходимости в применении атомного оружия не было. Это понимали и сами американские политики. Ну почему же они тогда пошли на такой варварский акт? Как позднее признавался Госсекретарь США Д. Бирнс, применение Соединенными Штатами атомных бомб против Японии было необходимо для того, чтобы «сделать Россию более сговорчивой в Европе» или, по выражению Г. Трумэна, «найти управу на этих русских».

Озабоченность по поводу ухудшавшихся дружественных отношений высказал генерал Дуайт Эйзенхауэр, который по приглашению маршала Г.К. Жукова находился в те дни в Москве. В атомной бомбардировке Японии он увидел непосредственную угрозу отношениям между Россией и США. В советской столице он был принят очень тепло, имел встречи со Сталиным и даже во время спортивного парада на Красной площади 12 августа 1945 г. находился вместе с советскими руководителями на Мавзолее Ленина, что было, как заметил биограф Эйзенхауэра Амброс Стивен, «уникальной честью для нерусского не коммуниста»¹⁸. Корреспонденту газеты «Нью-Йорк таймс» в те дни генерал сказал, что чувствовал везде «атмосферу искреннего гостеприимства»¹⁹. Он также отметил, что «до использования атомной бомбы я был уверен, что сможем сохранить мир с Россией. Теперь не знаю. Я надеялся, что в этой войне атомная бомба не будет использована... Люди повсюду испуганы и обеспокоены. Опять все почувствовали беспокойство»²⁰.

После капитуляции Японии не минуло и двух недель как стратеги Комитета начальников штабов (КНШ) принялись за разработку новой «Стратегической концепции и плана использования вооруженных сил США», исходившей из того, что «единственной ведущей державой, с которой США могут войти в конфликт, неразрешимый в рамках ООН, является СССР». Выдвинутая в этом документе «Стратегическая концепция разгрома России» стала быстро обретать очертания конкретных военных планов: уже в сентябре 1945 г. был разработан первый из таких планов, предусматри-

вавший стратегические бомбардировки 20 крупнейших советских городов с использованием атомного оружия²¹.

Однако еще до этого плана, в апреле–мае 1945 г. британский союзник СССР разработал с участием представителей США план войны против Советского Союза под кодовым названием «Немыслимое». Об этом мировая общественность узнала только в 1998 г., когда Государственный архив Великобритании опубликовал эти документы.

В документе общеполитическая цель войны была определена следующим образом: навязать русским (*так в тексте – М.П.*) волю Соединенных Штатов и Британской империи²². По этому плану предполагалось навязывание России тотальной войны, оккупацию ее территории, чтобы свести военный потенциал страны до уровня, при котором дальнейшее сопротивление русских становится невозможным²³.

«Трумэнскому руководству, – пишет А.И. Уткин, – требовалось более или менее убедительное объяснение своей враждебности к вчерашнему союзнику. Вдохновители американской внешней политики искали необходимое идейное основание для пересмотра всех выработывавшихся в ходе военного сотрудничества форм американско-советских отношений. И оно было найдено. Именно в эти дни в Вашингтон начинают поступать получившие широкую известность телеграммы от американского поверенного в Москве Дж. Кеннана»²⁴. Ральф Паркер, знавший его, дал такую оценку его взглядам: «... Кеннан всегда смотрел на Россию как на страну, которую американцам еще предстоит завоевать и колонизировать»²⁵.

В одной из телеграмм, отправленной 22 февраля 1946 г., состоявшей из 8 тысяч слов и вошедшей в историю как «длинная телеграмма Кеннана», а затем в статье «Источники советского поведения», опубликованной в июле 1947 г. в американском журнале «Форин афферс» за подписью «Икс», Кеннан призывает оказывать на СССР давление, указывая, что тот признает только силу. Экономическое и политическое давление США должны оказывать на СССР для того, – по его мнению, – чтобы обострять присущие советской системе противоречия²⁶.

Нужно заметить, что подобная методология была в основе внешней политики США в отношении СССР вплоть до его ликвидации в 1991 году.

Дж. Кеннан стал одним из главных основоположников, творцов доктрины «сдерживания» и «отбрасывания» коммунизма (*то есть России – М.П.*). Эта доктрина должна была объединить все западные страны в противостоянии с Россией. Она предполагала в отношении России проведение жесткой силовой политики. Запрещалось предоставлять Советскому Союзу кредиты, продавать современные технологии и навязывалась дорогостоящая изматывающая гонка вооружений.

Позднее, в 1994 году в благодарственной речи по случаю своего 90-летия, Кеннан сделал запоздалое признание в том, что инициаторами «холодной войны» были США, выступившие принципиально против каких-либо переговоров с Россией. «Через три года после этого (*длинной телеграммы Советскому Союзу – М.П.*), Советскому Союзу, – писал Дж.

Кеннан, – случилось одно из величайших разочарований в моей жизни – я выяснил, что ни наше правительство, ни наши западноевропейские союзники совершенно не заинтересованы в ведении каких-либо переговоров с Советским Союзом. Те и другие хотели от Москвы применительно к будущему Европы только одного – безоговорочной капитуляции. Они были готовы ждать ее. Это и было начало сорокалетней «холодной войны»²⁷.

Военные планы в отношении СССР со стороны США разрабатывались и в последующем. В 1947–1949 гг. они основывались на следующем понимании. Первое: война с СССР – реальность, если не удастся «отбросить» мировой социализм; второе: СССР и его союзники не должны достигнуть уровня США в военном и экономическом отношении; третье: США должны быть готовыми первыми использовать ядерное оружие²⁸. Среди известных планов нападения на СССР были такие, как «Чариотер», «Дропшот», «Троуджен», «Хафмун», «Флитвуд», «Даблстар». По плану «Дропшот», реализация которого намечалась на 1957 год, предполагалось на первом этапе: сбросить на 100 городов Советского Союза 300 атомных бомб и 250 тыс. т обычных бомб, уничтожить до 85% промышленности. На втором этапе – наступление наземных сил НАТО: 164 дивизии, включая 69 американских. В ходе войны, СССР предполагалось оккупировать²⁹.

Привлекательность кеннановского анализа для «вашингтонского сообщества» заключалась не только в том, что он снимал с США всякую моральную ответственность за прогрессирующий развал Союза и обострение международной обстановки, но и целиком перекладывал ее на СССР. В концептуальном плане выводы Кеннана довершили формулирование антитезы рузвельтовскому подходу к СССР: имманентная агрессивность советской системы (вместо рационального поведения великой державы), «неисправимость» советского поведения (вместо эластичности мотивов СССР) и как следствие – ставка на «слом» или «размягчение» этой системы под действием превосходящей силы (вместо ее постепенной интеграции в мировое сообщество)³⁰.

Огромное значение в эскалации «холодной войны» имела фултонская речь Черчилля 5 марта 1946 г., произнесенная в присутствии американского президента Трумэна. С этого времени союзники по антигитлеровской коалиции официально стали рассматривать друг друга как противников. Г. Киссинджер с радостью пишет в своей работе «Дипломатия»: «Черчилль снискал широчайшую признательность, как человек, объявившей о начале «холодной войны»³¹.

Наиболее опасным в выступлении Черчилля следует выделить два момента. Первый. Он призвал народы, говорящие на английском языке, сплотиться для борьбы против коммунистических государств (*читай: против России и ее союзников – М.П.*). Это был призыв к созданию англо-американского альянса против СССР. Второй. Он говорил об утверждении ведущей роли англо-говорящих народов в послевоенном мире и, в этих целях, они должны объединить усилия, особенно, в военной области³².

В Москве выступление Черчилля оценили как опасную угрозу. Это был открытый вызов. В Советском Союзе прекрасно понимали, что голосом Черчилля говорит Америка. По сути дела, эта была политическая программа, доктрина. В открытой форме всему Западу подсказывалась новая методология подхода к СССР³³.

Советский Союз оказался перед серьезной проблемой. Вступить ли изможденной, разоренной стране в открытое противоборство с супердержавой, вооруженной атомным оружием?

Необходимо особо подчеркнуть, что Запад не оставлял для Сталина больших возможностей для маневра. Вопрос в отношении СССР был поставлен предельно жестко: либо он признает гегемонию Америки и пойдет в фарватере ее политики, либо изматывающее в гонке вооружений противоборство.

Но Советский Союз, внесший решающий вклад в разгром гитлеровской Германии и находившийся теперь на пути становления как сверхдержавы, признать свою вторичность в послевоенном мире и англо-американское господство в нем не мог. Через девять дней после выступления Черчилля, 13 марта, Сталин дал ответ.

Нужно заметить, что особого энтузиазма фултонская речь в мире не вызвала, так как стратегия, провозглашенная им в выступлении, нацеливала на борьбу с политическим противником вплоть до самых крайних форм, то есть до войны. Но, человечество, пережившее совсем недавно истребительную войну и вернувшееся к мирной жизни, такая перспектива явно не устраивала. И Сталин это понимал. Он хорошо подготовился к ответу и, нужно сказать, что ему удалось дать в научном и политическом отношении, сильный ответ. «Народам, – заявил Сталин, – а значит и СССР, – предъявили «нечто вроде ультиматума»: признаете наше руководство и превосходство, и тогда все пойдет хорошо, в противном случае война неизбежна. «Но, – добавил Сталин, – нации проливали кровь в течение пяти лет жестокой войны ради свободы и независимости своих стран, а не ради того, чтобы заменить господство Гитлера господством Черчиллей».³⁴

Противоборство между США и СССР становилось все более открытым и необратимым.

Были в США деятели, которые предвидели, к чему приведет взятая администрацией Трумэна политика. Министр торговли Генри Уоллес в сентябре 1946 г. направил президенту письмо с предложением отказаться от развязывания «холодной войны» и начавшейся в США гонки вооружений и строительства военных баз. В частности, он писал: «Мы должны признать, что наш интерес в делах Восточной Европы столь же ограничен, как интерес России в Латинской Америке, Западной Европе и Соединенных Штатах... Наши действия наводят на мысль: 1) что мы готовимся к тому, чтобы победить в войне, которая нам кажется неизбежной; 2) или что мы собираемся накопить превосходящие силы, чтобы запугать остальную часть человечества.

Как бы мы чувствовали себя, если бы Россия имела атомную бомбу, а мы нет, если бы Россия имела 10 тыс. бомбардировщиков и воздушные базы вблизи от наших берегов, а мы – нет?»³⁵

Через три дня Уоллес был отправлен в отставку.

Однако Москва не искала поводов для конфликтов с США. Наоборот, она проявляла и в этих условиях заинтересованность в сотрудничестве. В марте 1946 г. советское руководство предложило заключить советско-американский договор о дружбе, торговле и навигации. Одновременно велись переговоры об условиях предоставления СССР американского кредита в 1 млрд долларов для нужд восстановления разрушенного хозяйства. Обе инициативы окончились безрезультатно³⁶.

Фултонская речь Черчилля вскоре превратилась в официальную политику США – «доктрину Трумэна», согласно которой «мир в целом должен принять американскую систему». В рамках этой доктрины, чтобы удержать те или иные страны в сфере американского влияния и не допустить углубления позиций левых сил, предусматривалось оказание материальной помощи (речь тогда шла о Греции и Турции)³⁷. Доктрина Трумэна обязывала США бороться с коммунистическим движением, любой попыткой коммунистического устройства, любыми притязаниями СССР.

«Эта доктрина, – по мнению В.О. Рукавишникова, – предопределяла стратегию американской внешней политики и политики безопасности на многие годы вперед. Она поддерживалась администрациями, сформированными как республиканской, так и демократической партиями, вплоть до распада мировой системы социализма (и более того, порой кажется, что она жива и поныне)»³⁸.

Составной частью доктрины Трумэна стал «план Маршалла». Вот почему изначально он был задуман таким образом, чтобы не допустить участие в нем Советского Союза, хотя в открытой форме об этом нигде и не говорилось. «В принципе в «плане Маршалла» могли участвовать, – как пишет Ван ден Берге, – и Советский Союз, и восточно европейские страны. Однако в этом инициаторы «плана» не были до конца искренни, потому что знали, что он наверняка не будет одобрен конгрессом, если доллары потекут в Советский Союз. Трумэн и Маршалл в тайне надеялись, что Советский Союз отклонит это предложение, что не только упростило бы положение дел, но и имело бы большую пропагандистскую ценность для США»³⁹.

Диссонансом подобной точке зрения выступает появившееся в постсоветской историографии утверждение о том, что сталинское руководство по политическим соображениям отказавшись участвовать в плане Маршалла, лишило СССР значительной финансовой помощи, предлагавшейся ему по этому плану, обрекая собственный народ на дополнительные страдания. Политическая тенденциозность такого подхода очевидна: все взыскать на советское руководство и обелить американское.

Госсекретарь Дж. Маршалл 5 июня 1947 г. представлял план помощи европейским странам как акт американской благотворительности и бес-

корыстности. В реальности же через этот план США добивались стратегических и экономических целей.

Основными целями плана Маршалла являлись стабилизация социально-политической ситуации в Западной Европе, создание единой экономической системы, где Америка играла бы ведущую роль, а также подрыв советского влияния в Восточной Европе. Не случайно он был назван «Планом реконструкции экономики Европы».

Задуманный план был нацелен на то, чтобы открыть доступ к западноевропейским рынкам и сферам капиталовложения деловым кругам США и тем самым прочно привязать к себе Европу экономически и политически.

Вопрос об участии СССР в плане Маршалла не поднимался. США никогда не предлагали СССР присоединиться к нему. В официальных документах США 1947 и 1948 годов не содержится предложения и странам Восточной Европы⁴⁰.

В июне 1947 г. по приглашению Англии и Франции СССР принял участие в конференции министров иностранных дел трех государств в Париже. Это приглашение было, как пишет Ю.П. Бокарев, «скорее всего данью вежливости по отношению к союзнику, и никто не рассчитывал, что СССР его примет»⁴¹.

У советского руководства отношение к плану Маршалла было положительным, поэтому оно и приняло предложение участвовать в Парижской конференции. Но именно это спутало американские карты. Участие СССР в Парижской конференции не входило в их планы. Не случайно на конференции предложения В.М. Молотова были отвергнуты министрами иностранных дел Франции и Англии – Бидо и Бевиним. Эти предложения были следующими: во-первых, каждая страна сама должна получить возможность определять форму помощи; во-вторых, должно быть проведено разграничение между теми странами, которые были в войне союзниками, противниками и нейтральными.

Министр иностранных дел Франции Бидо предупредил посольство Франции в Лондоне: «... важно не создавать ощущения, что мы сговариваемся исключительно с Западом относительно предложения, которое сделано нам господином Маршаллом». В публичных заявлениях Бидо и Бевин выражали заинтересованность в привлечении СССР к осуществлению плана Маршалла, но в то же время каждый из них заверял американского посла в Париже Дж. Кэффери, что надеется на «отказ Советов сотрудничать»⁴².

Не могли устроить Советский Союз и такие условия получения помощи, как требование сделать советскую экономику и экономические показатели прозрачными. «Американским донорам нужно было предоставить сведения о структуре советской экономики, открыть двери для американских компаний, передать американцам значительную степень контроля над внутренними экономическими процессами в Советском Союзе. Было ясно, что СССР, – как пишет А.И. Уткин, – не согласится с подобными условиями»⁴³. Но один из пунктов плана был для СССР совершенно неприемлем:

принявшие американский план страны должны были согласовать свой экспортный список урана в СССР. Это касалось Восточной зоны Германии и Чехословакии, которая наряду с Германией была главным адресатом «плана Маршалла» среди стран Центральной Европы⁴⁴.

Страны Восточной Европы могли принять участие в этом плане. Но выдвигалось важное политическое условие: прекращение ориентации политики последних на Советский Союз. Ставилась, как видно, цель вбить клин между СССР и его союзниками. Предполагалось также использовать ресурсы стран Восточной Европы для восстановления западной части континента. Фактически план был составлен таким образом, что участие в нем Советского Союза и стран Восточной Европы выглядело весьма проблематичным⁴⁵. Иными словами, чтобы исключить СССР из программы, нужно было поставить его в такие условия, когда он вынужден был от нее отказаться «добровольно». Все по-американски: делать хорошую мину при плохой игре.

План Маршалла привел к окончательному расколу Европы на две части: Восточную Европу и Западную Европу. Но нельзя не видеть и того, что этот план все-таки вбил определенный политический и психологический клин между СССР и странами Восточной Европы. Советское руководство вынуждено было оказывать серьезное давление на правительства Чехословакии и Польши, только после этого они отказались от участия в плане Маршалла. Психологический аспект этой проблемы заключался в том, что Соединенные Штаты в глазах европейских народов выглядели дающей страной, а Советский Союз – отбирающей, поскольку основные репарационные притязания СССР удовлетворял за счет восточной зоны оккупации (будущей ГДР), а также бывших союзников третьего рейха, теперь вошедших в советскую зону влияния. СССР получал репарации из Венгрии, Румынии, Болгарии, части Германии, вошедшей в состав Польши. Еще до плана Маршалла в этих странах уже существовало отрицательное отношение к этой политике. Политические потери, которые нес СССР, были очевидны. Практика изъятия машин и оборудования в восточной зоне оккупации Германии серьезно подорвала авторитет, которым пользовалась советская политика у немецкого населения, причем эти изменения больше всего сказались на настроениях немецких рабочих, именно той силы, которая рассматривалась в качестве основного классового союзника СССР⁴⁶. Отрицательные настроения имели место в Польше и Венгрии. Весной 1947 г. в беседе с В.М. Молотовым М. Ракоши утверждал, что репарации составляют 50% бюджета Венгрии, что «дальше это выдержать будет трудно»⁴⁷.

В июне 1948 г. решение о сокращении остающейся суммы репарационных платежей на 50% были приняты советским правительством относительно Венгрии, Румынии, Финляндии⁴⁸. В 1950 г. аналогичное решение было принято в отношении ГДР, в котором подчеркивалось, что ГДР регулярно выполняла репарационные обязательства, исчисленные в размере 10 млрд долл., и к концу 1950 года значительная часть этих обязательств в

сумме 3,658 млн долл. будет выполнена, остающаяся к выплате сумма репарационных платежей была сокращена на 50%, то есть до 3,171 млн долл. Выплата репарации была рассрочена на 15 лет, начиная с 1951 г. по 1965 г. включительно, товарами из текущей продукции⁴⁹.

Возвращаясь к вопросу о причинах возникновения «холодной войны», ее мотивах и виновниках хотелось бы обратить внимание на публикации известных американских исследователей, издавших свои работы после развала СССР, в 1990-е годы. В частности, Дж. Геддис отмечает: «Не многие историки готовы отрицать сегодня, что Соединенные Штаты были намерены доминировать на международной арене после Второй мировой войны задолго до того, как Советский Союз превратился в антагониста»⁵⁰. Другой американский историк К. Лейн пишет еще более определенно: «Советский Союз был значительно меньшим, чем это подавалось ранее, фактором в определении американской политики. На самом же деле после Второй мировой войны творцы американской политики стремились создать ведомый Соединенными Штатами мир, основанный на превосходстве американской политической, военной и экономической мощи, а также на американских ценностях»⁵¹.

Вышеприведенное вовсе не означает, что «холодная война» возникла только из-за действий и политики Соединенных Штатов. Послевоенная политика Советского Союза, к сожалению, также немало способствовала этому. Но мотивы, однако, у этих стран в проведении их политики были различны. Если СССР пытался упрочить геополитическое положение с целью укрепления своей безопасности, то Соединенные Штаты в первую очередь добивались того, чтобы обеспечить собственное гегемонистское положение, возглавить усилившиеся глобализационные процессы в послевоенном мире, а это возможно было только в том случае, если не допускать появления новой сверхдержавы. Вот почему одним из главных мотивов в «холодной войне» со стороны США, как показал весь послевоенный опыт, стало навязывание СССР изматывающей гонки вооружений.

Этой философией была пропитана и новая внешнеполитическая стратегия США, получившая закрепление в директиве Совета национальной безопасности (СНБ–68) и утвержденной президентом Трумэном в 1950 году. Известный советский дипломат Г.М. Корниенко назвал ее главным документом «холодной войны»⁵². Данная директива оставалась совершенно секретной до 1975 года. Именно этот документ, по его мнению, во многом обусловил более конфронтационный характер американско-советских отношений в послевоенный период, чем это было объективно неизбежным»⁵³.

Документ нацеливал на быстрое увеличение стратегической мощи США параллельно с укреплением военного потенциала главных союзников. В конечном счете он стал генеральным направлением американской внешней политики с 1950 г. и до конца 1960-х годов. Творцы СНБ–68 выступали за долгосрочную программу американского вооружения (в ходе которой США должны были оставить СССР далеко позади), за помощь со-

юзным державам повсюду в мире, за усилия по более жесткому контролю над мировым развитием...⁵⁴ А.И. Уткин приходит к выводу, что «этот документ впервые в практике американской внешней политики без обиняков и оговорок обосновал полицейские функции США повсюду в мире»⁵⁵.

В директиве обосновывалась также новая политика США по отношению к Советскому Союзу в области технологического сотрудничества. Теперь западным фирмам разрешалась передача технологий СССР. Речь, конечно, не шла о том, чтобы помочь поднять уровень советской промышленности. Цель ставилась другая: постараться поставить СССР в большую зависимость от США. Предполагалось, что продажа технологий будет иметь следующее значение. Во-первых, если требуется ввозить технологии для достижения более эффективного уровня производства, то получатель всегда остается в стороне от «тонкостей операций», и, таким образом, СССР не будет иметь стимула для создания собственных технологий, окажется в зависимости от западных. Во-вторых, если СССР будет ввозить технологии, ему надо будет зарабатывать или занимать валюту западных стран для ее оплаты. Зарабатывать валюту СССР сможет только экспортируя сырье, что приведет к преимущественно сырьевому развитию советской экономики. Если же СССР будет занимать деньги, то он окажется под контролем кредиторов⁵⁶.

Огромное значение в период «холодной войны» придавалось гонке вооружений. Со стороны США и ее союзников в стратегическом плане она рассматривалась как политика, направленная на экономическое изматывание Советского Союза. Это, по их мнению, могло подорвать уровень жизни большинства советских трудящихся и вызвать недовольство советским общественным строем, которое затем можно использовать в собственных интересах.

Наиболее красноречиво об этом свидетельствует позиция американского президента Ричарда Никсона, хотя так мог выразиться любой президент США от Гарри Трумэна до Рональда Рейгана. В 1974 г. на одном из совещаний президента США с лидерами конгресса Р. Никсон, дав общий обзор отношений с СССР, подчеркнул:

- «– Мы вполне в состоянии пустить русских с голым задом.
- Куда пустить? – осведомился тугой на ухо сенатор Стеннис.
- С голым задом! С голым задом! – заорал президент (смешки).
- Поэтому, Джон, валяй, ты должен ассигновать все больше денег на вооружение в своем комитете»⁵⁷.

Послевоенная гонка вооружений между СССР и США началась при совершенно различных исходных уровнях экономических потенциалов. Как выше уже было подчеркнуто, Советский Союз по экономическому потенциалу уступал им в 6–8 раз. Такая ситуация ставила его в заведомо проигрышное положение. Однако США не оставляли иной альтернативы Советскому Союзу, кроме как вступить с ними в качественно новый этап соревнования в области гонки вооружений.

После окончания Второй мировой войны центральной задачей для Советского Союза становится создание в кратчайшие сроки атомной бомбы.

Как пишет академик Е.П. Велихов, «в считанные дни он (*Сталин – М.П.*) поднял Россию на дыбы – приняты кардинальные решения, на долгие десятилетия определившие развитие ядерного оружия, атомной промышленности и науки в России»⁵⁸. Столь большое значение этому вопросу уделялось потому, что атомная бомба превратилась в решающий фактор мировой политики. Американский исследователь Д. Холлоуэй пишет, что «именно Хиросима внесла атомную бомбу напрямую в советские стратегические расчеты. До Потсдама советские лидеры не могли усмотреть связи между бомбой и международной политикой. После Хиросимы эту связь нельзя было больше игнорировать»⁵⁹.

Фактор времени, стремление как можно быстрее создать собственную бомбу и лишить США монополии на нее заставили Советское руководство идти на большие траты. 25 января 1946 г. И.В. Курчатов был вызван в Кремль. После встречи он записывает для себя: «... Сталин сказал, не нужно искать менее дешевых путей... что не стоит заниматься мелкими работами, а необходимо вести их широко. С русским размахом, что в этом отношении будет оказана самая широкая всемерная помощь»⁶⁰. Достоверных данных о стоимости первой советской атомной бомбы нет. Можно лишь говорить о миллиардных тратах, отрицательным образом влиявших на уровень жизни людей в нашей стране.

Если взять для сравнения затраты на создание американской бомбы, то станет ясно, что они были огромны. Она обошлась им в 2 млрд долл. По некоторым данным, которые, очевидно, нельзя считать точными, затраты на советскую атомную программу составили в 1947–1949 гг. 14,5 млрд руб.⁶¹

Спустя 30 лет Президент Академии наук СССР А.П. Александров отмечал: «Теперь можно открыто и прямо сказать, что значительная доля трудностей, пережитых нашим народом в первые послевоенные годы, была связана с необходимостью мобилизовать огромные людские и материальные ресурсы с тем, чтобы сделать все возможное для успешного завершения в самые сжатые сроки научных исследований и технических проектов для производства ядерного оружия»⁶².

Гонка в области ракетно-ядерных вооружений заставляла тратить непомерно большие средства. Опираясь на американские источники, российский исследователь Ю.Н. Смирнов приводит следующие данные. США с момента разработки первой атомной бомбы затратили в ценах 1995 г. около 4 трлн долл. на создание своего ядерного потенциала и гигантской инфраструктуры, прямо или косвенно задействованной на его поддержание, а также на меры для обеспечения безопасности в атомную эпоху⁶³. Он полагает, что эквивалентные затраты выпали на долю и Советского Союза⁶⁴.

Определить реальный объем расходов СССР на военные цели за весь послевоенный период «холодной войны», является задачей едва ли разрешимой. Официальные цифры никогда не отражали их реальных размеров, поскольку многие военные программы, как полагают исследователи, шли по другим статьям государственного бюджета и были «спрятаны» в

расходы на гражданские цели⁶⁵. Прямые военные расходы СССР с 1947 по 1991 год составляли в долларах США 1993 г. 10 039 млрд, что равнялось 12,6% национального дохода страны в эти годы⁶⁶.

США израсходовали за эти же годы на военные цели 9471 млрд, или 5,6% своего национального дохода. Более богатые США израсходовали меньше, чем СССР⁶⁷. Если учитывать тот факт, что советская экономика, например, в середине 1980-х годов составляла 50–60% ВВП США⁶⁸ то можно сделать вывод о том, что гонка вооружений как минимум в два раза обременительнее была для советских людей, чем для американцев.

Военное противостояние, навязанное США Советскому Союзу, являлось тяжелейшим бременем для страны. Оно стало серьезным тормозом его социально-экономического развития.

Составной частью «холодной войны» являлось идеологическое и пропагандистское противоборство. Главная цель идеологической войны состояла в доказательстве преимуществ одного общественного строя и дискредитации противоположного. Конечная цель такой войны – навязывание своей модели развития противнику. Объектами идеологического воздействия в условиях «холодной войны» являются не только граждане стран, которые эту войну ведут, но и граждане всего мира, поскольку между США и СССР, олицетворявших две противоположные общественные системы, две противоположные модели, развития, шла борьба за освободившиеся страны и привлечение их на свою сторону.

Теперь, по истечении многих лет, можно сказать, что Запад именно в области идеологической борьбы достиг наибольших побед и успехов над СССР. Ему удалось выдать свою экономическую и политическую систему как образцовую, вершину достижения современной цивилизации, альтернативы которой нет. И, наоборот, советскую систему подвергали многолетней системной критике, положительные стороны ее не замечались, а недостатки, коих было достаточно, всячески выпячивались в целях дискредитации всей системы. Им удалось, как западному обществу, так и многим тысячам советских людей, особенно представителям интеллигенции, показать социализм как бесперспективную, тупиковую модель развития.

В идеологической борьбе использовались все средства воздействия на людей – радио, телевидение, секретные службы, дискуссии, культурный обмен, подкуп, паблисити. Использовались любые поводы, любые уязвимые точки противника, любые человеческие слабости – национальные разногласия, религиозные предрассудки, любопытство, тщеславие, корысть, зависть, критические умонастроения, страх, склонность к приключениям, эгоизм, любовь и т.д.⁶⁹

Западные политтехнологи стремились сформировать образ Советского Союза как негуманного, тоталитарного, агрессивного государства, стремящегося расширить свое влияние путем захвата других государств. Такое изображение СССР, с их точки зрения, должно было показать, что именно он несет угрозу цивилизованному демократическому миру, сформировать боязнь, фобию по отношению к СССР. Такой образ Советского Союза стал

создаваться практически сразу после окончания Второй мировой войны. Об этом красноречиво свидетельствует выступление Г. Трумэна в июне 1948 г. перед 55 тыс. слушателей в городе Беркли: «Великие проблемы мира иногда изображают как спор исключительно между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Это не так... Мы не ведем «холодную войну»... Противоречия существуют между Советским Союзом и остальным миром»⁷⁰.

К началу 1960-х гг. США и всему Западу стало совершенно ясно, что война против Советского Союза не перспективна. С его стороны возможен адекватный ответ. Осознание невозможности уничтожения СССР военным путем, заставляет США усилить психологическую и пропагандистскую войну.

Госсекретарь США Джон Фостер Даллес в 1957 г. наставлял: «Мы тратим много миллиардов долларов за последние пять лет, готовясь к возможной войне с использованием бомб, самолетов, пушек. Но мы мало тратим на войну идей»⁷¹. Его политика и идеи получили развитие и пропаганду в военно-теоретическом журнале НАТО «Дженерал милитери ревью», который откровенно писал: «Единственный способ выиграть третью мировую войну – это взорвать Советский Союз изнутри с помощью подрывных средств и разложения»⁷².

«В шестидесятые годы, – по наблюдению генерала КГБ Ф.Д. Бобкова, – «холодная война» все заметнее переносилась непосредственно на территорию СССР»⁷³. И это не случайно. Именно в эти годы в Советском Союзе появляется та микросреда, на которую Запад в борьбе со своим противником опирался: диссиденты. В лице диссидентов США получили своих «агентов влияния», которые ими были взяты под моральную и политическую защиту.

С.Г. Кара-Мурза подчеркивает, что «диссиденты работали в системном взаимодействии с пропагандистской машиной Запада... Без участия диссидентов – «наших», изнутри советского общества, пропаганда «оттуда» потеряла бы большую часть своей силы»⁷⁴.

Диссидентство с самого начала своего возникновения не было однородным явлением. Однако при всей разности и даже противоположности их философских и политологических концепций, диссиденты разных мастей в годы «холодной войны» находились на стороне противника и помогали ему побеждать собственную страну.

Новый этап психологической борьбы наступает после подписания Заключительного акта Хельсинского совещания 1 августа 1975 года. СССР пошел на компромисс с Западом в области гуманитарного сотрудничества, тем самым, такие вопросы как «права человека», свобода передвижения людей, воссоединение семей и другие вопросы, составившие так называемую «третью корзину» Заключительного акта, превращались в международные. Теперь проблема «прав человека» переходила в область взаимоотношений государств. Западные лидеры получили возможность легитимно ставить эти вопросы на переговорах с советскими руководителями и вли-

ять на содержание, как самой проблемы, так и на судьбу диссидентов в СССР. «На Западе и в особенности США, – пишет Дж. Боффа, – сразу же поняли, какую выгоду можно извлечь из него»⁷⁵. В свою очередь, сами диссиденты также понимали, что теперь они могут апеллировать к международному Хельсинскому соглашению и обращаться за помощью к другим государствам, то есть могли рассчитывать на официальную международную поддержку, что оказывало сильное стимулирующее воздействие на их деятельность.

С этого времени проблема «прав человека» в деятельности зарубежных радиостанций: «Голос Америки», «Свобода», «Свободная Европа», «Немецкая волна» стали занимать едва ли не центральное место.

«Права человека» – это западный проект. Он был придуман для того, чтобы вбить клин между советскими людьми и властью, интеллигенцией и КПСС, подорвать внутривластную стабильность советского общества, приучить мыслить людей западными индивидуалистическими категориями. Противопоставить интересы человека интересам государства, общества, коллектива.

Позднее, одна из «правозащитниц» В. Новодворская сделала циничное, но ценное признание: «Я лично правами человека накушалась досыта. Некогда и мы, и ЦРУ, и США использовали эту идею как таран для уничтожения коммунистического режима и развала СССР. Эта идея отслужила свое и хватит врать про права человека и про правозащитников»⁷⁶.

«Холодная война», возникшая после Второй мировой войны, в значительной мере была инициирована США. Это был совершенно сознательный выбор послевоенной Америки. Курс этот преследовал главную цель: уничтожение Советского Союза как геополитического противника. Сейчас можно сказать, что в ходе сорокалетней гонки вооружений СССР надломил себя. Запад достиг своей главной цели.

США и в настоящее время не желают иметь партнерских отношений с Россией. Пытаются проводить политику, направленную на изоляцию России на международной арене. Пятидневная грузино-осетинская война (8–12 августа 2008 г.), спровоцированная агрессивным нападением Грузии на Южную Осетию, показала, что Запад во главе с США снова в отношении нашей страны заговорил языком «холодной войны». Эти события лишней раз показывают, кто является возмутителем спокойствия в современном мире.

¹ См. Советская внешняя политика в годы холодной войны (1945–1985). Новое прочтение. – М., 1995; СССР и холодная война. – М., 1995; Чубарьян А.О. Новая история холодной войны // Новая и новейшая история. – 1997. № 6; Холодная война: новые подходы, новые документы. – М., 1995; Сталин и холодная война. – М., 1998; Сталинское десятилетие холодной войны. – М., 1999 и др.

² См. Чубарьян А.О. Новая история холодной войны // Новая и новейшая история. – 1997. № 6. – С. 10–18; О «новой истории» холодной войны (материалы дискуссии) // Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы. – М., 1999. – С. 223–247.

³ См. Сталинское десятилетие холодной войны. – С. 207, 223–247.

⁴ Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. От Великой Победы до наших дней. – М., 2002. – С. 252.

- ⁵ См. Страницы истории советского общества. Факты, проблемы, люди. – М., 1989. – С. 369.
- ⁶ Боффа Дж. История Советского Союза. В 2 т. – М., 1990. – Т. 2. – С. 257.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Барсенков А.С. Введение в современную российскую историю. – М., 2002. – С. 32.
- ⁹ Киссинджер Г. Дипломатия / Пер. с англ. – М., 1997. – С. 385.
- ¹⁰ Боффа Дж. История Советского Союза. – Т. 2. – С. 260.
- ¹¹ См. Безыменский Л.А., Фалин В.М. Кто развязал «холодную войну»... // Страницы истории советского общества... – С. 350.
- ¹² Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн. СССР и США в 1940-х гг. – М., 2006. – С. 323.
- ¹³ См. Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. – М., 2001. – С. 81.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ См. Страницы истории советского общества... – С. 363.
- ¹⁶ Паркер Р. Заговор против мира. – М., 1949. – С. 4.
- ¹⁷ Печатнов В.О. От Союза к вражде (советско-американские отношения в 1945–1946 гг. // Холодная война. Факты. События. 1945–1963. – М., 2003. – С. 36.
- ¹⁸ См. Стивен А. Эйзенхауэр. Солдат и президент / Пер. с англ. М., 1993. – С. 187.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Алпровиц Г. Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам. – М., 1968. – С. 4–5.
- ²¹ Батюк В., Евстафьев Д. Первые заморозки. Советско-американские отношения в 1945–1950 гг. – М., 1995. – С. 106–107.
- ²² См. Ржешевский О.А. Секретные военные планы У. Черчилля против СССР в мае 1945 г. // Новая и новейшая история. – 1999. № 3. – С. 100.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Уткин А.И. Американская империя. – М., 2003. – С. 133.
- ²⁵ Паркер Р. Заговор против мира... – С. 125.
- ²⁶ О «длинной телеграмме» Дж. Кеннана см. Кеннан Дж. Дипломатия Второй Мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. – М., 2002. – С. 454–478.
- ²⁷ Нью-Йорк таймс. 1994. 14 марта.
- ²⁸ Военно-исторический журнал. – 1989. № 2. – С. 17.
- ²⁹ Там же. – С. 17, 23.
- ³⁰ См. Печатнов В.О. От союза – к вражде (советско-американские отношения в 1945–1946 гг.)... – С. 52.
- ³¹ См. Киссинджер Г. Дипломатия... – С. 419.
- ³² Полный текст речи Черчилля на русском языке см.: Независимая газета. 1992. 28 мая. В сокращенном варианте она была опубликована в: Известия. 1946. 12 марта.
- ³³ Некоторые российские историки полагают, что выступление Черчилля было пусть и авторитетным, но, тем не менее, частным мнением человека, утратившего власть. Поэтому, дескать, и не нужно было Москве уделять столь большого внимания его выступлению. Однако соглашаться с такой точкой зрения вряд ли будет правильным. А.М. Филитов подчеркивает, что Черчилль готовил фултонскую речь в сотрудничестве с Трумэном и Берном (*государственный секретарь США – М.П.*) (См.: Филитов А.М. Как началась «холодная война» // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение. – М., 1985. – С. 49. Следовательно, можно сделать вывод, высшие руководители США, по существу, являются соавторами фултонской речи и несут за нее полную политическую ответственность.
- ³⁴ Ответ Сталина на речь Черчилля был дан в форме интервью корреспонденту газеты «Правда» и опубликован 13 марта 1946 г.
- ³⁵ Цит. по: Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация... – С. 254.
- ³⁶ Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы... – С. 83.
- ³⁷ Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII–XX века. – М., 2001. – С. 552.
- ³⁸ Рукавишников О.В. Холодная война, холодный мир: Общественное мнение в США и Европе о СССР / России, внешней политике и безопасности Запада. – М., 2005. – С. 215.
- ³⁹ Ван ден Берге. Историческое недоразумение? «Холодная война». 1917–1990. – М., 1996. – С. 101–102.
- ⁴⁰ Бокарев Ю.П. Еще раз об отношении СССР к плану Маршалла // Отечественная история. – 2005. № 1. – С. 92.

⁴¹ Там же.

⁴² Цит. по: Наринский М.М. Нарастание конфронтации: план Маршалла, Берлинский кризис // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. В 2 т. М., 1997. Т. 2. – С. 57.

⁴³ Уткин А.И. Американская империя... – С. 147.

⁴⁴ См. Филлитов А.М. Как началась «холодная война» // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945 – 1985)... – С. 63.

⁴⁵ Наринский М.М. Нарастание конфронтации... – С. 56.

⁴⁶ См. Филлитов А.М. Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение. – М., 1993. – С. 49.

⁴⁷ Мурашко Г.П., Волокитина Т.В., Носкова А.Ф. Создание соцлагеря // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. – Т. 2. С. 9–10.

⁴⁸ Внешняя политика Советского Союза: Документы и материалы. 1948 год. Ч. 1. – М., 1950. – С. 217–222.

⁴⁹ Внешняя политика Советского Союза: Документы и материалы. 1950 год. – М., 1953. – С. 25.

⁵⁰ Цит. по: Уткин А.И. Американская империя... – С. 130.

⁵¹ Там же. – С. 130–131.

⁵² См. Корниенко Г.М. Холодная война. Свидетельство ее участника. – М., 2001. – С. 61.

⁵³ Там же.

⁵⁴ См. Уткин А.И. Американская империя... – С. 156.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ См. Бокарев Ю.П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970–1980-е годы. – М., 2007. – С. 360.

⁵⁷ Цит. по: Россия – 2000. Современная политическая история (1985–1999 гг.): В 2 т. Изд. 3-е. – М., 2000. Т. 1. – С. 561–562.

⁵⁸ Велехов Е.П. Гордость российской науки // Игорь Васильевич Курчатов в воспоминаниях и документах. – М., 2004 – С. XV.

⁵⁹ Холловэй Д. Сталин и бомба. Советский Союз и атомная энергия 1939–1945 / Пер. с англ. Новосибирск, 1997. – С. 169.

⁶⁰ Игорь Васильевич Курчатов в воспоминаниях и документах... – С. 289.

⁶¹ Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1930-е гг.: Темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. – М., 1996. – С. 83.

⁶² Создание первой советской ядерной бомбы. – М., 1995. – С. 65.

⁶³ Смирнов Ю.Н. Холодная война как явление ядерного века // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. – М., 2003. – С. 617–618.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Наумов Н.В. Международные аспекты распада СССР // Российское государство и общество. XX век. – М., 1999. – С. 378.

⁶⁶ Степанов А.И. Россия, СССР в мировых войнах // Россия XXI. 1994, № 11–12. – С. 87.

⁶⁷ Наумов Н.В. Международные аспекты распада СССР... – С. 378.

⁶⁸ Независимое военное обозрение. – 1997. 12–19 июля. – С. 17.

⁶⁹ См.: Зиновьев А.А. Запад. – М., 2000. – С. 372.

⁷⁰ Уткин А.И. Американская империя... – С. 136.

⁷¹ Цит. по: Бобков Ф. Юрий Андропов, каким я его знал // Кто есть кто. – 2004. 3 I. – С. 39.

⁷² Секреты секретных служб США. – М., 1973. – С. 293.

⁷³ Бобков Ф.Д. Юрий Андропов, каким я его знал... – С. 38.

⁷⁴ Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация... – М., 2002. – С. 234–235.

⁷⁵ Боффа Дж. От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964–1994 / Пер. с ит. М., 1996. – С. 88.

⁷⁶ Правда. 1994. 30 ноября.